

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47+57)"191/1991:82-6

«ПРИКАЗ ПРИКАЗОМ, КОЛЧАК КОЛЧАКОМ, А МОРДА МОРДОЙ»: ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА БОРИСА СЕРЕБРЯКОВА¹**М. И. Вебер**

Сектор политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, 623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Розы Люксембург, д. 33
mikeveber@mail.ru

Статья предваряет публикацию письма священника Бориса Серебрякова. Особый интерес вызывают наблюдения и размышления Серебрякова о причинах поражения армии адмирала Колчака. В частности, Борис Серебряков связывает разложение колчаковской армии с широким использованием в ней жестоких телесных наказаний, провалом агитационной работы, разрывом между офицерами и солдатами. Письмо также показывает насколько, сильное влияние на настроение уральского крестьянства оказало массовое мародерство отступающей белой армии.

Ключевые слова: история повседневности, Гражданская война в России, Урал, Колчак, мародерство, телесные наказания, агитация.

Важнейшим подспорьем историков в деле реконструкции повседневных будней прошлого являются источники личного происхождения, к которым обычно относят письма, дневники и мемуары [Источниковедение, 1998, с. 634–648]. Для этой группы источников характерно то, что в них личность автора документа проявляется наиболее полно. Подобным источникам свойственна высокая степень субъективности, в то же время они придают историческому процессу «человеческое измерение» и поэтому идеально подходят для воссоздания истории «снизу».

Порою та или иная историческая эпоха гораздо лучше понимается и современниками, и потомками через крылатые выражения, в афористичной форме отражающие суть времени. В воспоминаниях бывшего члена колчаковского правительства Г.К.Гинса есть такой фрагмент: «В другом месте, где офицеру указали на то, что приказом адмирала порка и мордобитие запрещены, офицер дал классический ответ: “приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой”. Эта фраза взята из перлюстрированного в ставке письма священника» [Гинс, 1921, с. 307]. Приведенная Гинсом фраза стала по-настоящему крылатой и широко разлетелась по трудам историков, изучающих Гражданскую войну в России. Все они ссылались на мемуары Гинса, между тем в ходе работы в архивах мне удалось выявить первоисточник этого афоризма – то самое перлюстрированное военной цензурой письмо священника.

Необходимо отметить, что помимо приведенного крылатого выражения письмо это содержит массу интереснейших сведений – и хотя бы в силу этого заслуживает введения в широкий научный оборот. Нельзя сказать, что данное письмо все эти годы было вне поля зрения историков: в частности, известный уральский историк И.Ф.Плотников в коллективной монографии «История Урала» использовал цитаты из него без указания автора письма [История Урала, 1977, с. 103]. Тем не менее в полном объеме оно никогда не публиковалось.

Это письмо принадлежит к особому жанру писем – это типичное «письмо во власть». Точно установить личность его автора – Бориса Серебрякова – пока не удалось. Очевидно, что этот хорошо образованный, весьма наблюдательный человек – священник одной из частей 3-й (бывшей Западной) колчаковской армии. Для передачи письма высшему военно-политическому руководству белой Сибири он направил его епископу Уфимскому и Мензелинскому Андрею (в миру – князю Александру Алексеевичу Ухтомскому). В тот момент епископ Андрей руководил духовенством 3-й армии, т. е. был непосредственным начальником Бориса Серебрякова, поэтому направление ему письма выглядит вполне логичным.

Крылатая фраза, родившаяся из-под пера священника Серебрякова, лаконично, отразила порядки, царившие в колчаковской армии. Стоит отметить, что подобные приказы издавались не

только Верховным главнокомандующим адмиралом А.В.Колчаком, но и нижестоящим военным начальством. Например, начальник Отдельного Северного отряда 1-го Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии полковник А.В.Бордзиловский в приказе № 450 от 13 апреля 1919 г. указывал: «...кроме того, открылась грустная весть, в некоторых наших частях применяется в широком размере, по отношению наших солдат, порка шомполами и мордобитие, что только может привести не к поддержанию дисциплины, а наоборот, к раздражению подчиненных против начальников, а значит, к новому разложению только что кровью офицеров созданной армии.

К чести 25-го Тобольского Сибирского полка подобных диких расправ с солдатами в нем не было. Ставя в известность об этом начальников предлагаю: ... 4) к провинившимся солдатам ни в коем случае не применять наказание в виде порки шомполами и чтобы в отряде не было места рукоприкладству. За невыполнение этого приказа буду отрешать от должности и виновных предавать суду»².

Несмотря на все приказы, телесные наказания солдат и другие пороки, доставшиеся по наследству от царской армии, пустили крепкие корни в армии адмирала Колчака. Большевик С.А.Кишин, объехавший в мае-апреле 1919 г. с разведывательным заданием колчаковский тыл, сообщал, что в колчаковской армии практикуются следующие виды наказания солдат: «за проступки наказываются [постановкой] под винтовку с полной выкладкой, за более важные – порка. Арестуют очень мало, и если арестуют, то сажают на хлеб и на воду. При учении мне лично пришлось наблюдать в Кунгуре и также в Уфе широко распространено мордобитие и также гоняние бегом солдат по плацу»³. Показания многочисленных перебежчиков и пленных также подтверждали суровые реалии повседневного армейского быта в войсках адмирала Колчака, где за малейшую провинность солдата следовало жестокое телесное наказание.

В отличие от белых большевики всячески боролись с мордобитием и палочной дисциплиной в армии, стремились сломать преграду между командным составом и солдатами. Акцент в их работе с солдатами был сделан не на запугивании, а на убеждении. Уже в 1918 г. большевиками был выстроен аппарат для ведения самой широкой агитационно-пропагандистской работы среди солдат Красной армии и гражданского населения⁴. Работа с солдатами в РККА включала в себя регулярные беседы, лекции и митинги, распространение и совместное чтение большого количества агитационной литературы – книг, газет, брошюр и т. д. [Борьба за Урал и Сибирь, 1926, с. 69–73]. У колчаковцев же агитация была поставлена значительно хуже.

Подчеркивая катастрофическое положение с агитационной работой среди колчаковских солдат, Борис Серебряков писал: «Есть в нашей дивизии должность заведывающего раздачей литературы, но раздавать ему нечего»⁵. Нужно сказать, что руководство белых понимало всю важность агитации в условиях Гражданской войны. На агитационную работу в своих войсках колчаковским правительством выделялись немалые средства, и внешне все выглядело неплохо. Назначенный в конце июня 1919 г. помощником главного начальника снабжения Западной армии П.П.Петров вспоминал позднее: «...разросся Осведарм в дополнение к различным Осведам при Ставке. К концу лета один его поезд уже не вмещал всего Осведа — столько было там людей. Это была попытка конкурировать в агитации с большевиками» [Петров, 2011, с. 149-150]. Но взгляду изнутри открывалась более пессимистичная картина.

О том, как на деле обстояла агитационная работа в частях колчаковской армии, дает представление адресованный высшему начальству доклад начальника контрразведывательного отделения штаба Волжской группы войск 3-й армии, написанный в ноябре 1919 г.: «Но скажите, что понимает наш забитый солдат, который о всем имеет ложное представление? Вы спросите его, за что он борется, какие идеи преследует его правительство? Он не знает. А почему он не знает? Да потому что никто не постарался рассказать и пояснить ему суть настоящих событий; никто не позаботился дать ему пищу для ума. Для этой цели у нас есть Осведомительный отдел, но работа этого отдела поставлена настолько плохо, что не выдерживает никакой критики.

Прежде всего представители отдела, или осведомители, не соответствуют своему назначению, люди бездарные и ни на что не способные. С делом просвещения совсем не знакомы и даже не знают, как к нему приступить. Это те маменькины сынки – выхолненные и вылощенные, которые всегда и везде могут устроиться на тепленькие места. Болтался, предположим, в штабе дивизии какой-нибудь офицер “для поручений” и ничего не делал; серьезной работы ему поручить было нельзя, ибо он неспособен, а больше ничего не находилось. Но вот на его счастье издается при-

каз об учреждении осведомительных отделов и он назначается на эту должность, потому что попал под руку начальства. А ведь в полках имеется очень много офицеров, бывших народных учителей, компетентных в этом отношении и способных поставить дело на должную высоту. Но те люди не могут получить такого места, т. к. они недостаточно выхолены и далеки от начальства.

В чем, собственно, заключается работа наших осведомителей? А вот в чем: присылаются, предположим, газеты из армии в корпус, здесь корпусной осведомитель разбивает их на несколько пачек и отправляет в дивизии. Осведомители в свою очередь разбивают на более мелкие пачки и отправляют в полки. Там делается то же самое и больше ничего, т. е. проще говоря, только сортируют газеты, а получают ли их солдаты и прочитывают или, может быть, изводят на сигарки – об этом никто не хочет знать. Точно также не ведется учет получаемых газет, что дает возможность начальствующим лицам все газеты забирать себе и пользоваться ими, как оберточным материалом. Контроля над осведомителями никакого нет, да и вообще командование смотрит на это важное дело с высоты птичьего полета»⁶.

Армия, состоящая из солдат, не понимающих целей борьбы, и офицеров, зараженных духом партизанщины, армия без внутренней спайки офицерства и солдат, армия, дисциплина в которой поддерживалась исключительно муштрой и страхом наказания, могла быть сильной только в период военных успехов. Поражения и начавшееся вслед за ними большое отступление дезорганизовали и деморализовали колчаковскую армию. Дисциплина в частях упала, участились случаи грабежей и мародерства, на почве чего резко обострились отношения с мирным населением.

В этой связи весьма интересны размышления священника Бориса Серебрякова о том, почему население Златоустовского уезда отвернулось от колчаковского режима. Они помогают понять общие причины поражения белого дела на Востоке России. Дело в том, что в июне 1918 г. в Златоустовском уезде произошло самое масштабное и самое успешное на Урале крестьянское восстание за весь период Гражданской войны. Оно вспыхнуло по всему уезду практически одновременно – 11–13 июня 1918 г. Руководимые местными эсерами, поддержанные рабочими Саткинского и Кусинского заводов, восставшие крестьяне к концу июня полностью разрушили тыл большевистской группы войск, которая обороняла Златоуст–Челябинское направление и, бросив фронт, в панике отошла на север. Повстанцами был убит командующий группой – военком И.М.Малышев.

После освобождения территории своего уезда от красных златоустовские крестьяне не прекратили активной борьбы с большевиками: во всех волостях, кроме одной, были сформированы особые вооруженные дружины из добровольцев и мобилизованных, действиями которых руководил главный штаб партизанских отрядов уезда. Партизанские отряды златоустовцев под общим руководством поручика А.С.Рычагова продолжили боевые действия против красных на территории соседнего Красноуфимского уезда, придя на помощь местным восставшим крестьянам. Со временем они превратились в грозную боевую силу. По состоянию на 3 октября 1918 г. в партизанском отряде Рычагова насчитывалось 1 790 штыков и 1 718 сабель, 13 пулеметов и 2 орудия (для сравнения, в действовавшем по соседству с партизанами регулярном соединении белых – 3-й Иркутской дивизии – насчитывалось в это время всего 1543 штыка, 17 пулеметов и 4 орудия) [Симонов, 2010, с. 343]. 30 декабря 1918 г. приказом № 9 командующего Сибирской армией Р.Гайды партизанский отряд Рычагова был переформирован в добровольческую Красноуфимскую бригаду, сам поручик в 1919 г. получил звание подполковника, а затем и генерал-майора⁷.

Таким образом, златоустовские и красноуфимские крестьяне внесли существенный вклад в успех белого дела на Урале в 1918 г. Урал стал настоящей опорой белых, откуда весной 1919 г. они начали победоносное наступление в направлении к Волге, едва не поставившее на колени Советскую Россию. Однако, военное счастье переменчиво, и летом 1919 г. разбитые и деморализованные колчаковские армии откатились назад — на Урал. Прекрасно помня о большом народном восстании против большевиков в Златоустовском и Красноуфимском уездах в 1918 г., военное руководство белых попыталось снова организовать в этом районе масштабную партизанскую борьбу против красных.

В оперативном приказе № 02772 от 22 июня 1919 г. начальника Уральской группы войск Западной армии генерал-майора В.И.Волкова предлагалось: «б) партизанским отрядам крестьян Путинцева и Трапезникова, в тесной связи и опираясь на 6-ю Уральскую дивизию, подымать против красных сочувствующее нам население и вести деятельное наблюдение на местах и разъездами вести разведки между реками Нурза–Уфа–Салываш, войдя в связь с нашими войсками у Крас-

ного Яра и Бияза»⁸. Через несколько дней в разговоре по прямому проводу сотрудник штаба Уральской группы войск отмечал, что «организуются партизанские отряды, имеются уже 2, посланные офицеры для поднятия населения [находятся] в районе реки Юрезань, высылаются агенты»⁹.

Однако массового народного подъема, как в 1918 г., не получилось – ни Златоустовский, ни Красноуфимский уезды не стали летом 1919 г. центрами ожесточенной партизанской борьбы против наступающей Красной армии. Еще хуже для белых обстояли дела в других районах Урала: мобилизованные в армию крестьяне во время отступления через родные края массами разбежались по лесам. Как следствие, зацепиться за Урал и оказать большевикам серьезное сопротивление у белых не вышло. В 1918 году белым, чтобы захватить Урал понадобилось полгода, красные же в 1919 году заняли Урал всего за 4 недели.

О провале попытки белого командования навязать красным серьезную борьбу за Урал говорит и размер потерь наступающей Красной армии. Как отмечал Н.Е.Какурин, потери 5-ой советской армии за первую половину июля 1919 года, т. е. при занятии Златоустовского уезда, составили 24 человека убитыми, 139 – ранеными, 3 – пленными и 28 – пропавшими без вести [Какурин, 1991, с. 249]. В целом же, по данным Б.Ц.Урланиса, 4 из 5 советских армий Восточного фронта за первую половину июля, т. е. в разгар боев за Урал, потеряли всего 138 человек убитыми и 664 – ранеными [Урланис, 1960, с. 183]. Очевидно, что одной из главных, если не главной, причин провала белого дела на Урале стало изменение настроений гражданского населения, в первую очередь крестьянства.

Понять, почему изменилось отношение к белым златоустовских крестьян, помогает письмо Бориса Серебрякова. Его наблюдательный взгляд подметил две основные причины озлобления крестьянства против колчаковской армии. Во-первых, жестокость назначенных военными властями для управления прифронтовыми районами комендантов, широко применявших телесные наказания. Во-вторых, массовый грабеж мирного населения Златоустовского уезда летом 1919 г. солдатами отступающей колчаковской армии при попустительстве или прямом участии офицеров. Думается, что наблюдения священника Серебрякова можно экстраполировать на весь Урал: они подтверждаются данными многочисленных источников. Анализируя сообщения с мест в Екатеринбургский губком РКП (б) осенью 1919 г., можно выделить следующие причины, изменения отношения крестьян к белым: 1) земельную политику колчаковских властей и повышение налогов; 2) грабежи крестьян отступающей колчаковской армией.

Особый интерес вызывает вторая причина – паническое отступление колчаковской армии и связанные с этим эксцессы. Несомненно, последствия отступления, происходящего в нормальной обстановке, не были бы такими значительными, но паника и деморализация в колчаковской армии были настолько сильны, что на Северном и Среднем Урале её отступление превратилось в настоящее бегство. Военный министр в правительстве Колчака генерал-лейтенант А.П.Будберг записал 19 июля 1919 г. в своем дневнике: «...эвакуация перемешала все тылы; все многочисленные штабы и управления утекают на восток, потеряв связь со своими частями, и последние, особенно по части довольствия, брошены на произвол судьбы. Бывшая система снабжения (если только можно ее так назвать) рухнула, всякий оборот запасов прекратился, и войска перешли на существование за счет местных средств, причем во многих случаях происходит самый бесцеремонный грабеж» [Будберг, 2001, с. 179].

По территории Красноуфимского уезда отступал 4-й Сибирский корпус Сибирской армии. Его командир генерал-майор П.П. Гривин 5 июля констатировал: «...из поступившего донесения и частных жалоб усматриваю, что обозы при отступлении творят с населением оставляемых районов всяческие бесчинства, главным образом забирают самовольно честное имущество»¹⁰. Гривин приказал расстреливать мародеров на месте, а командиров наиболее «отличившихся» 57-го Павлодарского и 58-го Акмолинского полков предать военно-полевому суду. Однако даже такие решительные меры не помогли восстановить порядок в стремительно откатывающейся на восток колчаковской армии. Дезорганизация усиливалась, а мародерством занимались не только солдаты, но и многие офицеры.

Подмеченная Борисом Серебряковым негативная роль офицерства в грабежах и мародерстве упоминается и в других «письмах во власть» сторонников колчаковского режима. В частности, в письме начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 30 сентября 1919 г. подпол-

ковник Герке с горечью отмечает: «...“рыба гниет с головы” - и по примеру начальства поступают подчиненные – солдаты. ЧУВСТВУЯ “главную цель” своих командующих и зная через писарей “порядок” управления и ведения хозяйств части — они, более темные и грубые, чем офицерская масса, – идут на более грубый грабёж и самоуправство. Для безопасности и скрытия своих “дел” солдаты СРЫВАЮТ с себя или просто НЕ НОСЯТ ПОГОН. Идут бесконечные требования солдат к населению кормить их маслом, сметаной, овощами и пр. (а пища с котла ПРОБУЕТСЯ и выливается), идет отбирание, воровство от населения сена и овса для лошадей и писание на это счетов ДЛЯ СЕБЯ. Части забыли ПЕШИЙ походный строй – да и зачем ходить, когда МОЖНО немедленно заставить крестьянина запрячь лошадей или ПРОСТО взять себе телегу и лошадь. Глупое-грубое самоуправство привело к тому, что на подводе ездят солдата ДВА, груза много класть НЕ-УДОБНО – езда будет без удовольствия и нельзя-неудобно – СПАТЬ. Результат се[го] – части превращаются в банды, в деревнях разобраны все подводы, крестьянину не на чем работать, сход НЕ МОЖЕТ даже установить очереди подводам (никакого количества подвод НЕ ХВАТАЕТ) – и НЕВОЛЬНОЕ ОЗЛОБЛЕНИЕ охватывает крестьян»¹¹.

Факты свидетельствуют, что особое недовольство крестьян вызывал увод белыми лошадей, остро необходимых крестьянскому хозяйству. Между тем лошадей отступающим колчаковцам нужно было очень много. Дело в том, что отчасти из-за проблем с централизованным снабжением, а отчасти из-за культивируемой отдельными командирами партизанской вольницы части колчаковской армии перешли на самоснабжение и обросли безразмерными обозами, в которых боеприпасы, обмундирование и снаряжение лежали вперемешку с военными трофеями и награбленным у мирного населения добром. Поэтому на несколько сотен штыков в типичной колчаковской части приходилось несколько тысяч нестроевых солдат-обозников [Будберг, 2001, с. 244]. Согласно воспоминаниям командующего 3-й колчаковской армией генерала К.В.Сахарова в обозе одного только 32-го Прикамского полка насчитывалось свыше 2 000 повозок [Сахаров, 1923, с. 111]. В масштабах же армии эта цифра возрастала на порядок. В результате крепкие хозяйства десятков тысяч уральских крестьян оказались экономически надломлены. Как отмечалось в докладе о деятельности за июль 1919 г. Крестьянского подотдела политотдела 5-й советской армии, «каждый день [в] Крестьянский подотдел является масса крестьян, у которых лошади угнаны белыми, к сожалению, бывают случаи, взятые частями Красной армии. Например, в Юрюзанском районе Юрюзанского завода угнано белыми до 500 лошадей»¹².

Белое командование предпринимало попытки сократить число обозов. Так, в приказе по Уральской группе войск № 03197 от 16 июля 1919 г. генерал-майор П.А.Иванов-Мумжиев предписывал своим подчиненным: «5) категорически требую под строжайшей ответственностью командиров полков приведения обозов в надлежащее состояние. Обозы в дивизиях достигли колоссальных, с ничем не сообразных размеров. Полки, насчитывавшие всего до 200-300 штыков, едоков имели до 1500. Это обстоятельство более чем преступно»¹³. Но всё было тщетно: суровые приказы колчаковских генералов оставались на бумаге. Иванов-Мумжиев был отстранен от командования 1 августа 1919 г., в том числе за неумение «привести войска и тыл группы в порядок»¹⁴.

Иногда только источники личного происхождения способны передать дух времени. Весьма живописное описание отступления с Урала в Сибирь 15-й Воткинской дивизии белых оставил в своих мемуарах, написанных в эмиграции, начальник штаба Камской речной флотилии белых Д.Н.Федотов: «...движение дивизии больше напоминало миграцию племени кочевников в поисках новых пастбищ, чем маневр подразделения регулярной армии, настолько обременен был боевой состав огромным обозом с женщинами и детьми» [Fedotoff, 1939, p. 235]. Наблюдения Д.Н.Федотова подтверждаются архивными документами: в общей сложности в колонне 15-й Воткинской дивизии отступало около 12 000 человек, ехавших на 10 000 подвод, из них только около 700 были солдатами, а все остальные – гражданские беженцы и семьи военных [Борьба за власть Советов, 1967, с. 291–297].

Конечно, 15-я Воткинская дивизия имела специфику: большое количество рабочих-добровольцев в её составе, отступавших вместе с семьями, но и в других частях колчаковской армии обозы были перегружены гражданскими лицами. Повсеместно в обозах в большом количестве ехали жены и дети офицеров и добровольцев, превращая отступающие боевые части в подобие цыганского табора. Барон Будберг, описывая в дневнике отступление тылов 3-й армии, отме-

чал: «...подъезжая к Лебяжьей, видели вереницы этих обозов, отходивших на восток; на повозках были бабы, дети, масса домашнего скарба; масса тарантасов с дамами и детьми» [Будбер., 2001, с. 244].

Таким образом, прихотью неведомого часовщика стрелки на часах исторического времени в июле 1919 г. на Урале словно бы повернули вспять, и весь регион перенесся на сотни лет назад – в эпоху великого переселения народов. Колонны отступающих частей колчаковской армии, облепленные бесконечными обозами, отягощенные толпами мирных беженцев, растянулись на десятки и сотни верст по уральским дорогам – и реквизировали, реквизировали, реквизировали.

Масштабы бедствия, обрушившегося на уральских крестьян и сломавшего размеренный ход их повседневной жизни, отлично иллюстрируют материалы дознания, проведенного военно-судебными органами белых в связи с жалобам на мародерство солдат 1-го полка Отдельной дивизии морских стрелков во время её отступления в июле 1919 г. от г.Верхотурья к г.Туринску: «...в селе Махнево жители жаловались, что морские стрелки побили у них много гусей и кур и отобрали последние брюки у фель[д]шера. В этом же селе к командиру 2-го батальона Печерского полка поручику Субботину явился староста, повел его в помещение Земской Управы и предложил посмотреть, что натворили там морские стрелки. При осмотре помещения оказалось, что во всем помещении было нагажено, везде были следы попойки, и замки во всех шкафах были взломаны. Накануне прихода в это село частей Печерского полка морские стрелки, по рассказам обывателей, пьянствовали и бесчинствовали в доме купца Конушкова, эвакуировавшегося в город Туринск, разбили там зеркала, мебель, взломали сундуки и расхитили находящееся в них имущество хозяев. В конце концов бесчинство морских стрелков в этом селе дошло до того, что Начальник дивизии морских стрелков, по показанию прапорщика Рудакова... принужден был выставить караул для защиты имущества частных лиц от солдат его дивизии»¹⁵.

По мере отступления разложение морской дивизии усиливалось, а грабежи уральских крестьян учащались: так, «прибыв в село Болотовское, батальон Печерского полка нигде не мог достать ни куска хлеба, ни фунта овса, так как морские стрелки все перед тем забрали себе. То же повторялось и в других деревнях, через которые приходилось проходить частям Печерского полка...

В селе Успенском у одного крестьянина морские стрелки зарезали быка и взяли брюки, а у другого взяли 2 войлока и юбку. В какой-то деревне они забрали 2 телеги и лошадь и т. д.... При требованиях крестьян об уплате денег за забранный провиант и имущество морские стрелки грозили, что за ними идут другие части, которые уже “покажут, как требовать с них”.

Вследствие всего этого следующим за 1-м полком дивизии морских стрелков частям не было никакой возможности купить что-либо у крестьян, которые со страхом встречали проходящих солдат. Например, когда штабс-капитан Волков со своим отрядом вступил в село Мугайское, то население села стало разбегаться в лес, уводя с собой скот, а оставшиеся в селе спешили закрыть ворота и двери своих домов»¹⁶.

Расследование, проведенное военными следователями, сохранило для истории скорбный путь по уральской глубинке всего лишь одного полка, а ведь таких полков отступали десятки. Летом 1919 г. грабежи стали обыденным явлением в деморализованной и потерявшей дисциплину армии адмирала А.В.Колчака. И хотя колчаковские следователи ввиду невозможности допроса крестьян-свидетелей не смогли доказать причастность солдат морской дивизии к описанным преступлениям, тот факт, что все приведенные случаи грабежей и насилия над мирными жителями могли иметь место, признавался ими вполне допустимым, так как «через эти деревни в то время проходило очень много войск и обозы почти всей Северной группы [Сибирской армии]»¹⁷.

Далеко не все воинские части колчаковской армии допускали во время отступления грабежи и мародерство, но «подвигов» остальных хватило, чтобы изменить настроение уральского крестьянина в пользу красных. В упоминавшихся мемуарах Г.К.Гинса отмечается: «...забывая, что война ведется на русской земле и с русскими людьми, военачальники, пользуясь своими исключительными правами, подвергали население непосильным тяготам. Я ездил на Урал, проезжал плодородные и богатые районы Шадринского и Камышловского уездов. Местное начальство уверяло меня, что население живет спокойно, ни в чем не нуждается, довольно властью и порядком. Но вот отступавшие войска докатились до этих районов. Что случилось с населением, почему стало оно

большевистски настроенным? Почему не защищалось всеми силами против нашествия красных? Вспомним приказы Главнокомандующего [фронтом генерал-лейтенанта М.К.Дитерихса] о поголовной мобилизации всех мужчин, представим себе картину отступления, когда в одном Шадринском уезде было отобрано у крестьян около 5 000 лошадей и повозок — и мы поймем, что никто не “обольшевичился”, но все крестьяне проклинали власть, которая причинила им столько бедствий. “Пусть лучше будут большевики”» [Гинс, 1921, с. 307].

В этой связи нужно отметить, что в 1918 г. отряды красных на Урале могли дать белым большую фору по части бесчинств и грабежей мирного населения. Документы Особых отделов советских армий, страницы уральских газет того времени, мемуары эмигрантов полны свидетельств о безобразиях, творимых красноармейцами в уральской глубинке. Вот как охарактеризовал взаимоотношения Красной армии и мирного населения в своем докладе на состоявшейся 20–23 октября 1918 г. партийной конференции Сводной Уральской дивизии 3-й советской армии большевик З.И.Лобков: «...в нашей армии было две трети или половина тех, кто шли в нее из-за куса хлеба. Можно привести массу случаев, которые указывают на то безобразие, которое царило в армии. Армия, рожденная бедняками, рабочими и крестьянами, забыла свои кровные связи с беднотой и принялась за грабежи и мародерства, это была дезорганизованная, грабящая, мародерствующая масса... Помимо всего сказанного, у нас чувствуется часто враждебное отношение командного состава с работниками Советских учреждений. Командный состав и его верхи чувствуют себя хозяевами положения и думают распоряжаться и управлять страной по собственному усмотрению, а местные власти идут насмарку; производят реквизицию и конфискацию без всякой системы, безалаберно, результатом чего является недовольство со стороны местных работников и населения красноармейцами и командным составом»¹⁸. Таким образом, в 1918 г. Красная армия имела те же пороки, что и белая.

Однако, большевики вовремя осознали угрозу, которую несут их власти грабежи, мародерство и насилие военных над мирными жителями. Они также поняли, что активная борьба с мародерством в рядах РККА обеспечит преимущество в борьбе с Колчаком. В докладе, подготовленном Политическим отделом 3-й советской армии в начале мая 1919 г., указывается: «реакционное крестьянство западной и северной части Пермской губернии, которое мы отпугнули не только одной [продовольственной] монополией, но также и художествами разных советских деятелей, которое ещё поддерживает Колчака, скоро может изменить эту позицию хотя бы уже потому, что крестьянство Пермского уезда несет большие жертвы для очищения Приуралья от большевиков... Можно сказать в движении [находится] вся конная сила Пермского уезда, дома остаются только старые да малые, снаряжаются для перевозов и женщины. Большую часть перевозок, а воинские — все, крестьяне исполняют бесплатно (и конечно, не добровольно бесплатно). Подобные вещи не особенно понравятся и пермяку, особенно если к выдержке из белогвардейской газетки добавим (из показаний перебежчиков), что и колчаковские солдаты сплошь и рядом занимаются мародерством»¹⁹.

В борьбу с мародерством в рядах Красной армии активно включились как органы армейской контрразведки (Особые отделы ВЧК), так и партийные организации. Нельзя сказать, что красным полностью удалось искоренить эти позорные явления из армейского быта, в отдельных частях мародерство пустило прочные корни (скажем, в 3-й советской армии, несмотря на все репрессивные меры, продолжали мародерствовать кавалерийские части и 30-я стрелковая дивизия, костяк которой составили красные партизаны-блужающие), но всё же к лету 1919 г. прогресс был налицо — и мирное сельское население почувствовало это на себе.

Белые же не смогли извлечь уроков из опыта 1918 г. и потеряли поддержку уральских крестьян. Как справедливо заметил в своем письме священник Борис Серебряков: «сумма маленьких злоупотреблений и упущений иной раз важнее одного-двух поражений [на фронте]»²⁰.

Документ публикуется в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов. Текст передан с сохранением всех орфографических особенностей, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка, документу дан заголовок.

Документ № 1
Письмо священника Б.Серебрякова колчаковскому
высшему военно-политическому руководству
о причинах поражения и развала колчаковской армии

Секретно

Выписка²¹
из доклада Начальника Главного Военного
Цензурно-Контрольного Бюро
от 4 октября 1919 года за № 36794

В письме от 28 августа, адресованном Епископу Андрею Уфимскому, для направления Высшему начальству, Борис Серебряков говорит: «С благословения епископа Андрея пишу Вам, почему-то при военных неудачах ищут крупных промахов, крупных недочетов. Я же думаю, что сумма маленьких злоупотреблений и упущений иной раз важнее одного-двух поражений.

Наш отход – результат этих пустяков. Я – Колчаковец и, если можно так выразиться, идейный Колчаковец. Но многие агенты этой власти вызывают у меня чувство брезгливости, омерзения. Я встречаю Златоустовских крестьян-беженцев: что стало с их семьями, они не знают, но они хорошо помнят, что перед отходом они были ограблены Сибирскими войсками, они ни на минуту не забывают, что их семьи остались без лошадей, коров, сбури. Кто сейчас они – эти крестьяне [?] Они – большевики. Кто насадил большевизм в Златоустовском уезде? Коменданты с их нагайками. Кто увел лошадей, кто разграбил огороды и выкосил овсы [?] Наши же солдаты, призванные драться с грабителями большевиками. На днях, по приказанию Командира нашей части, солдаты украли 12 голов скота. Несколько раньше – 6 голов лошадей. О гусях, курах, поросятах не говорю.

Во многих частях перестали ставить под винтовку, но не сказали, что так велел Колчак.

Бьют хуже, чем при царе. Бьют, да приговаривают: “приказ приказом, морда мордой, а Колчак Колчаком”. Личность Колчака не только не популяризируется, а [даже] затемняется как-то. Почти каждый старший (в полках и более мелких единицах) по отношению к младшему – монархист, по отношению к старшему – анархист. Есть в нашей дивизии должность заведывающего раздачей литературы, но раздавать ему нечего.

Стоим мы сейчас в селе Голодном. У нашего соседа офицеры избili мать старушку, увели из-под замка жеребца, хозяин же убежал в лес, так как его хотели выпороть.

У другого соседа увели 4 лошадей, увезли телегу и сбрую. Видя это, солдаты (сами они тоже грабят) ропшут на грабителей офицеров. Офицеры, разрешая себе это “удовольствие”, не имеют возможности воздействовать на солдат.

Раздражает солдат не отсутствие сапог, белья и т.п., а отсутствие желанья у офицеров заботиться о солдатах, быть старшим между равными».

С подлинным верно:

Начальник Отделения [подпись неразборчива]

(Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 25. Л. 15. Машинопись. Заверенная копия.)

Примечания

¹ Публикация подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России», госконтракт № 14.740.11.0209 по теме «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества в XVII-XX вв.»

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 82. Л. 244.

³ Там же. Д. 83. Л. 4.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 484. Л. 51–65.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 25. Л. 15.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39 500. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

⁸ РГВА. Ф. 40 022. Оп. 1. Д. 6. Л. 107–109.

⁹ Там же. Л. 132.

¹⁰ Там же. Ф. 40 001. Оп. 1. Д. 7. Л. 185–186.

¹¹ Там же. Ф. 39 487. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

¹² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 370. Л. 52.

¹³ РГВА. Ф. 40 022. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

¹⁴ Там же. Ф. 39 483. Оп. 1. Д. 24. Л. 65.

¹⁵ Там же. Д. 74. Л. 134–135.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 137.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 99. Л. 9.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 375. Л. 198.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 25. Л. 15.

²¹ На документе имеются рукописные пометки, сделанные двумя разными почерками: 1) делопроизводственная пометка «[№]1177. 16 октября 1919 г.»; 2) пометка «К д[елу] № 24».

Библиографический список

Fedotoff D.N. Survival through war and revolution in Russia. London, 1939.

Борьба за Урал и Сибирь: Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией / под ред. И.Н.Смирнова, И.П.Флеровского и Я.Я.Грунта. М.;Л., 1926.

Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): сб. док. материалов. Свердловск, 1967.

Будберг А.П. Дневник белогвардейца. М., 2001.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 25.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 40.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2 т. Пекин, 1921. Т. 2.

История Урала: в 2 т. Т. 2: Период социализма / под общ. ред. И.С. Капцуговича. Пермь, 1977.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М., 1991. Т. 2.

Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39 483. Оп. 1. Д. 24, 74; Ф. 39 487. Оп. 1. Д. 70; Ф. 39 500. Оп. 1. Д. 59; Ф. 40 001. Оп. 1. Д. 7; Ф. 40 022. Оп. 1. Д. 2, Д. 6.

Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск, 2010.

Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). М., 1960.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 82, 83, 99, Оп. 2. Д. 370, 375, 484.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.05.2011

“AN ORDER IS AN ORDER AND KOLCHAK IS KOLCHAK, BUT A FACE IS A FACE”: THE LETTER WRITTEN BY THE PRIEST BORIS SEREBRYAKOV / INTRODUCTION, PREPARATION FOR PUBLICATION AND NOTES BY M.I.VEBER

M.I.Weber

The Institute of History and Archaeology of Ural branch of Russian Academy of Sciences, Rosa Luxemburg st., 33, 623850, Irbit, Russia
mikeveber@mail.ru

The letter written by the priest Boris Serebryakov is published with an extensive introduction. One phrase from this letter is widely known, but the whole letter is a precious source of information concerning everyday life during the Russian Civil War. The letter contains Boris Serebryakov's reflection on reasons of demoralization and defeat of the White Army in the Urals. Boris Serebryakov associates demoralization of white soldiers with cruel practice of corporal punishment and lack of agitation work. The letter also clearly indicates that the Ural peasants were strongly disappointed with the Whites because of marauding of Admiral A.V. Kolchak's retreating army.

Key words: history of everyday life, the Russian Civil War, the Urals, A.V. Kolchak, marauding, corporal punishment, agitation.

References

- Fedotoff D.N.* Survival through war and revolution in Russia. London, 1939.
- Bor'ba za Ural i Sibir'. Vospominaniya i stat'i uchastnikov bor'by s uchredilovkoj i kolchakovskoj kontrrevolyutsiej / pod redaktsiej I.N.Smirnova, I.P.Flerovskogo i Ya.Ya.Grunta. M.-L., 1926.
- Bor'ba za vlast' Sovetov v Tobol'skoj (Tyumenskoj) gubernii (1917-1920 gg.). Sb. do-kumental'nykh materialov. Sverdlovsk, 1967.
- Budberg A.P.* Dnevnik belogvardejtsa. M, 2001.
- Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii (GARF). F. R-147. Op. 15. D. 25.
- Gosudarstvennyj arkhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). F. R-1956. Op. 1. D. 40.
- Gins G.K.* Sibir', soyuzniki i Kolchak. 1918-1920 gg. (vpechatleniya i mysli chlena Om-skogo pravitel'stva). V 2 t. T. 2. Pekin, 1921.
- Istoriya Urala. V 2 t. T. 2. Period sotsializma / pod obshej redaktsiej I.S.Kaptsugovicha. Perm', 1977.
- Istochnikovovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii. M, 1998.
- Kakurin N.E.* Kak srazhalas' revolyutsiya. V 2 t. T. 2. M., 1991.
- Petrov P.P.* Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh. Vospominaniya, dokumenty. M., 2011.
- Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 39 483. Op. 1. D. 24, 74; F. 39 487. Op. 1. D. 70; F. 39 500. Op. 1. D. 59; F. 40 001. Op. 1. D. 7; F. 40 022. Op. 1. D. 2, D. 6.
- Sakharov K.V.* Belaya Sibir' (vnutrennyaya vojna 1918-1920 gg.). Myunkhen, 1923.
- Simonov D.G.* Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu. Novosibirsk, 2010.
- Urlanis B.Ts.* Vojny i narodonaselenie Evropy: Lyudskie poteri vooruzhennykh sil evropejskikh stran v vojnakh XVII-XX vv. (istoriko-statisticheskoe issledovanie). M, 1960.
- Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsij Sverdlovskoj oblasti (TsDOOSO). F. 41. Op. 1. D. 82, 83, 99, Op. 2. D. 370, 375, 484.